

44

На правах рукописи

Берендеев Михаил Владимирович

**СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭКСКЛАВА В
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

22.00.04 - социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Москва - 2007

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Российский государственный университет имени И. Канта»

Научный руководитель: **доктор социологических наук**
Кривошеев Владимир Вениаминович

Официальные оппоненты: **доктор социологических наук, профессор**
Гришина Елена Александровна
доктор социологических наук, профессор
Маркин Валерий Васильевич

Ведущая организация: **Российская академия государственной службы при Президенте РФ**

Защита состоится «30» октября 2007 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.09 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 6, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «28» сентября 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

М.Б. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение региональной идентичности в условиях постсоветской России и пространства бывшего СССР в сочетании с процессом глобализации, приобретает всю большую как научную, так и практическую значимость. Актуализация этой проблемы особенно характерна для тех российских регионов, которые непосредственно соприкасаются с ускоренным ростом взаимозависимости обществ, где кризисы «постсоветской идентичности» обуславливаются внутренней региональной динамикой и вызовами интеграционных и глобализационных процессов.

Анализ социальных диспропорций развития совмещенный с изучением факторов глобализации, свидетельствует, что российскому социуму в локальных и глобальных контекстах присущи диверсифицированные идентичности. Понятие региональной идентичности, традиционно логически локализуемое, то есть привязанное к определенному местопребыванию субъекта, когда территория является едва ли не единственным фактором позволяющим ответить на вопрос о том, кем является или что собой представляет тот или иной человек в постсоветский период дополнилось четким социальным смыслом. В науке получила распространение точка зрения, что обращение к категории идентичности позволяет воспринимать регионы не собственно как территории, а как социальные конструкции, обусловленные «рынком идентичностей».

Распад СССР и до сих пор проявляемые потенциальные угрозы распада России выводят исследование идентичности на качественно новый уровень.

Первое. Постсоветская трансформация России актуализировала периферийные аспекты социальной идентичности, возвысила их над ее центральными элементами, доминирующими прежде. Это позволяет все более полно исследовать социальную идентичность региональных социумов, по отношению к российскому социуму как целостности. Особенно характерно специфика социальной идентичности стала выражаться в регионах обладающих исключительными факторами, такими как эксклавность, анклавность, удаленность, появлением на приграничных территориях качественно новых форматов политических и социальных отношений.

Второе. Идентичность в российских регионах исследована недостаточно. Особенно это важно для Калининградской области – единственного в России региона, совмещающего в себе большинство уникальных по сравнению с другими российскими регионами факторов развития, оказывающих влияние на социальную идентичность. Как сложный социально-культурный конструкт в силу своего исторического развития регион погружён в множество конфликтующих и конкурирующих между собой пространств исторического, культурного, политического и собственно социального характера, посредством соотнесения с которыми жители региона вырабатывают достаточно противоречивую картину представлений о себе, а восприятие региона в ЕС, России и в эксклаве, как социально-территориальной целостности, значительно разнится.

Третье. Изучение идентичности в эксклавных / анклавных регионах и процессов самоидентификации в таких территориях является достаточно новым и концептуально не оформленным направлением, однако чрезвычайно

востребованным в свете объективной нехватки аналитической научной информации Калининградская область как эксклав / анклав является стратегическим узлом экономических, культурных и международных отношений отражённых во взаимопроникновении европейской и российской цивилизации, России и Евросоюза. Она является точкой столкновения геополитических стремлений международных субъектов и в этом смысле Калининградская область ключевой зоной российско-европейского соперничества.

Четвёртое. Исследование идентичности населения калининградского эксклава может дать понятие о формировании специфических её форм в оппозирующих и одновременно коммуницирующих друг с другом пространствах. Калининградская область расположена в зоне идентификационного разлома. На примере этого социума можно также отчётливо показать, что идентичность есть на самом деле не нечто единообразное, а многообразные комплексы идентичностей и самоидентификаций конкурирующих и конфликтующих между собой.

Пятое. Идентификация социума Калининградского региона является одним из способов определения магистральных линий регионостроительства, при том, что эксклавный регионализм является практически неизученным явлением. Исследование идентичности даёт понимание, насколько социум региона соотносится с общероссийским и общеевропейским социальным пространством, каково его место в глобальной Европе и Российской Федерации, каковы перспективы его интеграции в социальное пространство Европы в условиях окружения евроатлантическими и европейскими структурами.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства определяют актуальность исследования идентичности эксклава.

Степень разработанности проблемы. Особенности становления и развития региональной идентичности, как закономерного следствия распаднических процессов на территории бывшего СССР и автономизации этнических, культурных и социальных пространств нашли отражение в работах ЛМ Дробизевой, ОИ Шкаратана, ТН Кувеневой, НА Шматко, РФ Туровского, МП Крылова, ОИ Орачевой, ИЮ Киселева, СК Смирновой, МН Губолго, ВА Тишкова, МБ Олкотта, АВ Малащенко и др. Укоренение региональной/территориальной морфологии российского общества и регионального самосознания, выраженного в понятиях «местная специфичность» и «малая родина» подробно рассмотрено ЛВ Смирнягиным и МП Крыловым.

Успешной видится попытка АГ Манакова, НМ Межевича показать формирование и развитие региональной идентичности в условиях возникших после распада СССР пограничных межэтнических разломов и трансграничного сотрудничества в порубежных социумах, в рамках сетевого взаимодействия и конкурентоспособности территорий. В работах ВА Колосова изучаются постсоветские изменения в идентичности российских граждан в условиях нового приграничья. Конструктивистская специфика постсоветской и новой европейской региональной идентичности в регионе Балтийского моря, с точки зрения коммуникации и конкуренции социальных пространств отражена в работах АС Макарычева.

Социологическое обследование идентичности населения эксклава представлены в работах *А В Алимиевой* в которых была предпринята одна из первых попыток получить конкретный эмпирический материал, позволивший составить представление о структуре и характере социальных идентификаций жителей региона. Эмпирические замеры эксклавно-регионализма (эксклавизма) даны в некоторых исследованиях Фонда «Общественное мнение» и «Среднерусского консалтингового центра»

Характерные особенности трансформации российского эксклава в новых политических условиях и поиск его идентичности в системе координат «Россия – Европейский Союз - Балтийский еврорегион», осмысление альтернатив его развития, как «*коридора сотрудничества*» между Россией и Евросоюзом, нашли свое выражение в работах *Г М Федорова, Ю М Зверева, С Д Козлова, Г В Кретицина, А Ю Мельвиля*. Социально-политические аспекты трансформации эксклавноности в эпоху глобализации проанализированы в работах *А П Клемешева*. Вопрос о соперничестве идентичностей в эксклавном социуме поставлен в публикациях *В В Кривошеева*

Влияние положения региона на идентичность и самоидентификацию его населения, когда калининградский регион является сразу регионом «двух окраин» - России и ЕС, но одновременно геополитически лежащий в центре новой Восточной Европы, разрабатывается в публикациях *И Олдберга*. Исторически обусловленная амбивалентность идентичности калининградского сообщества показана в работах *К Тимми, Р Алдунга, Х Тиммермана, Г Мюнтеля*, и ряда других западных исследователей, исследующих тенденции развития эксклава в окружающем его пространстве Европейского Союза и НАТО. Однако, большинство европейских исследований идентичности российского эксклава носят скорее публицистический, нежели научный характер.

В западных и российских социологических исследованиях количество работ непосредственно посвященных региональной идентичности, ее структуры, содержания, совокупности социальных функций и значений, механизмов формирования и влияния на региональные взаимодействия, весьма ограничено. Предметом исследований ученых становились отдельные аспекты лишь косвенно связанные с проблематикой исследования региональной идентичности. Сегодня ещё нельзя говорить о сложившихся концепциях и подходах в осмыслении феномена региональной идентичности.

Указанные выше обстоятельства определили теоретико-методологический и методический характер данной работы, а также круг рассматриваемых в ней вопросов.

Цель диссертационного исследования заключается в изучении идентичности населения Калининградской области в контексте ее эксклавного существования, определении ее основных параметров, выявления ее специфики, внутренней структуры и тенденций развития.

Объектом исследования является население Калининградской области.

Предметом исследования – становление и тенденции развития региональной идентичности, самоопределение населения в условиях существования региона как эксклава Российской Федерации.

Задачи диссертационного исследования:

- 1 Эмпирически замерить и проанализировать идентичность населения калининградского эксклава,
 - 2 Выявить особенности идентичности населения эксклава по отношению к жителям регионов материковой России
 - 3 Показать сущность и содержание эксклавности, как фактора формирования идентичности регионального социума,
 - 4 Выявить особенности методологии исследования идентичности эксклавного социума,
 - 5 Выявить особенности структуры идентичности жителей эксклава,
 - 6 Сконструировать наиболее распространенные модели идентичности жителей региона и факторы (источники идентичности) определяющие эти модели, на основании эмпирических исследований,
 - 7 Охарактеризовать политические, экономические и культурные ориентации населения региона в пространстве Европа – Россия,
 - 8 Описать возможные тенденции изменения региональной идентичности эксклава в условиях окружения Евросоюзом и НАТО
- **Методологическая и теоретическая основа исследования.** Теоретико-методологической основой исследования стали работы, в которых изложены принципы конструктивистского, коммуникативного, функционального подходов к анализу региональной идентичности Принципиальным для автора было следование положениям конструктивизма в понимании природы функционирования и развития социально-территориальных общностей как целостного субъекта, наделенного особыми характеристиками В работе использованы
 - Конструктивистский подход *С Хантингтона* на основании, которого, используя предложенные им также *градацию и иерархию источников самоидентификации и степень интенсивности (значимости) идентичности*, выявлены наиболее часто повторяющиеся модели идентификации населения и популярные и непопулярные источники (факторы идентичности) которые привлекают калининградцы, в ходе формирования представлений о себе и других, конструктивизм (*П Бергер, Т Лукман*) для анализа оппозиции «свой – другой - чужой» в системе координат «Россия – калининградский регион - Евросоюз» Идеи конструктивистской специфики постсоветской и новой европейской региональной идентичности применимы как к анализу феномена конкуренций идентичностей в калининградском эксклаве, так и их коммуникаций с социальными пространствами приграничных обществ
 - В исследовании региональной идентичности, населения калининградского эксклава мы опираемся на её понимание, которое сложилось в современной социологической науке в теориях социальной идентификации *Х Тэджфела и Дж Тернера*
 - Концепция формирования социальной идентичности через наслоение *ситуационных образов*, обретаемых посредством ситуации (*И Гоффман*) использована в контексте аргументации контекстуальности идентичности населения эксклава
 - Подход к изучению идентичности как индивидуализированной социальной системе, идентификации себя с помощью собственной уникальной

социальной истории (Г Люббе) Данный подход позволяет установить, как население эксклава используя различные источники идентификации (культурные, экономические, политические, аскриптивные) приходят к одним и тем же маркерам идентичности

- Идеи, развитые в работах С Холла и А Ноймана, где большое развитие получил взгляд на идентичность как на подвижную, множественную, ситуативную и контекстуальную (Дж Марсия) категорию, происходит смещение фокуса исследовательского интереса от теорий идентичности макроуровня к изучению процессов конструирования идентичности на уровне текущей реальности Этот подход применим к анализу идентичности населения калининградского эксклава как «зависимой» от конкуренции условий и требований, предъявляемых различными идентификационными центрами, под влиянием которых находится регион (Евросоюз, Россия балтийский евроегион и т д)
 - Подход Н А Шматко и Ю Л Качанова, в котором предполагается, что при идентификации с территориальной общностью обстоятельства социальной жизни общности приобретают для индивида значимый личностный смысл
 - Подходы к пониманию и определению идентичности развиты в работах ЖТ Тощенко, ЛМ Дробизевой, ТН Кувеновой, Р Ф Туровского, МП Крылова, МН Губолго, А С Макарычева, В А Колосова
- Эмпирическую базу исследования составили

1 Результаты авторских исследований

1.1 «Кто мы? Калининградцы в поиске идентичности», проведенного методом анкетирования (квотная выборка по половозрастному принципу) в г Калининграде, а также пяти муниципальных образований области (Неманский район, Гурьевский район Советский городской округ, Черняховский район, Багратионовский район) в декабре 2006 года Объем выборочной совокупности составил 640 человек

1.2 «Идентичность эксклава между Россией и Европой» - экспертный опрос, проведенный в апреле 2007 г Опрошено 27 экспертов (представители областной администрации, деятели политических партий, представленных в региональном парламенте, чиновники муниципальных администраций, бизнесмены, журналисты региональных СМИ, высокопоставленные работники сферы образования и культуры)

- 2 Информация ведущей российской и западной периодической печати с июня 2004 по июнь 2007г (*The Washington Times, Le Temps, Le Monde, International Herald Tribune, Financial Times Deutschland, The Economist, Deutsche Welle, The Independent, Der Spiegel, Известия, Российская газета, Независимая газета, Время новостей*), в которой отражены представления о российском эксклаве и его населении
- 3 Вторичный анализ данных исследования «Прошлое, настоящее и будущее Калининградской области», проведенного Фондом «Общественное мнение» Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России Интервью по месту жительства 25-26 июня 2005 г Объем выборочной совокупности - 1500 респондентов

- 4 Вторичный анализ данных исследований проводимых лабораторией социологических исследований РГУ им И Канта с 2001 по 2005 годы по социальной идентичности, миграционным намерениям жителей региона, обеспокоенности эксклавым положением области, будущему статусу региона, отношению к идее отделения области от России, отношению к развитию связей с европейскими государствами
- 5 Данные за 2005-06гг Федеральной службы госстатистики по Калининградской области (о половозрастной и профессиональной структуре населения эксклава, уровне жизни населения, национальному составу региона, уровне бедности населения в сравнении с другими регионами России в 2005 году, предположительной численности населения Калининградской области на период до 2026 г)

Научная новизна и положения, выносимые на защиту

- 1 Доказывается, что региональная идентичность является специфичной формой социальной идентичности человека
- 2 Утверждается, что через регион/территорию проживания человека, которая выступает его жизненной средой, изначально формируются модели восприятия действительности и понимание себя в мире и которая оказывает влияние на выбор поведенческих установок индивида, его культуры, цивилизационной принадлежности, этничности и даже политической и экономической культуры
- 3 Доказывается, что этнические, культурные, политические, гражданские и др идентичности есть разные ипостаси единой идентичности человека - социально-обусловленной или социальной
- 4 Утверждается, что специфика региональной идентичности в Калининградской области обусловлена существованием его в многополюсной системе координат «материковая» Россия - «балтийский регион» – «островная» Россия - Европейский Союз»
- 5 Доказывается, что эксклавность является доминирующим фактором формирования региональной идентичности в Калининградской области, обуславливает воспроизводство противоречивого характера идентичности населения региона,
- 6 В целях понимания процесса коммуникации и конкуренции, с одной стороны, множества разнообразных пространств, в которые погружен регион, а с другой стороны объяснения феномена контриденностей разработан подход представляющий эксклав как гипертекста,
- 7 На основании эмпирических исследований определены и графически представлены наиболее распространенные модели самоидентификации субъектов эксклавного социума, отражающих основные слои населения,
- 8 Выявлены характеристики преобладающих маркеров («калининградцы», «россияне», «европейцы») социальной идентичности населения и присущность их различным половозрастным группам,
- 9 Вопрос о политическом статусе эксклава являются основополагающим при самоидентификации жителей Калининградской области,
- 10 Доказывается, что региональная идентичность, учитывая фактор окружения региона Европейским Союзом и Северо-Атлантическим Альянсом, всё более

на перспективу будет отвечать европоценризму в связи со сменой поколений в региональном социуме, высокой частотой социальной коммуникации с приграничными государствами и остальными государствами ЕС и низкой частотой коммуникативных контактов - с «большой» Россией

Научно-теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы региональным политическим сообществом, с целью выработки представлений о процессах протекающих в региональном социуме, разработки специальных программ и проектов направленных на формирование и воплощение в жизнь стратегий развития региона, для удовлетворения жизненноважных потребностей населения эксклава, в окружении Евросоюза и НАТО Результаты исследования могут быть полезны для разработки механизмов коррекции идентичности социума в русле укрепления федеративных отношений, а также встраивания уникального российского региона в общеевропейское пространство Многие аспекты могут иметь значение для учебной деятельности и быть использованной в качестве теоретического и эмпирического материала в высших учебных заведениях в специальном курсе «Социология регионального развития»

Апробация работы. Основные результаты работы докладывались на четырёх научных конференциях «Международные организации в России и проблемы культурной интеграции» (РГПУ им А И Герцена, С -Петербург, июнь 2006), «IV славянский научный собор» (ЧГАКИ, Челябинск, июнь 2006), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных - «Ломоносов-2007» (МГУ им М В Ломоносова, Москва, апрель 2007), Научная конференция студентов и аспирантов «Наша социология исследовательские практики и современность» (РГГУ, Москва, май 2007)

Отдельные положения работы, выносимые на защиту, неоднократно обсуждались на методологических семинарах кафедры политологии и социологии РГУ им И Канта, докладывались в рамках семинарских встреч в калининградском региональном отделении политической партии «Единая Россия», в политических печатных СМИ области Основные положения работы отражены в шести научных публикациях общим объемом 2,7 п л

Структура работы. Характер, цели и задачи исследования обусловили структуру работы и последовательность изложения материала Диссертация состоит из введения, трёх глав (девяти параграфов), заключения, библиографического списка, включающего в себя 157 наименований Часть материалов исследования представлена в графических формах Общий объём работы составляет 187 страниц

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** определяются актуальность проблемы, основные цели и задачи исследования, его новизна, степень разработанности научной проблемы, теоретическая и практическая значимость исследования и положения, выносимые на защиту

В первой главе диссертации **«Региональный и общероссийский факторы идентичности в постсоветской России»** анализируется возникновение регионального самосознания обусловленного распадом СССР, фрагментации социума и полураспаднических тенденций РФ в 1990-е гг

В первом параграфе **«Идентичность: сущность и место в социологическом анализе»** доказывается что, разные трактовки идентичности связаны с тем, что сложность взятого для исследования социального объекта и его места в структуре социума, предполагает и альтернативные возможности в его познании, выявление всей совокупности параметров, характеристик и специфических свойств изучаемого феномена К тому же идентичность многоосновна, она воспринимается не как какая-либо одна конкретная определенность человека, а как множество его соотносённости, не как свойство, а как многообразные отношения с объектами своего соотноснения

Большинство определений идентичности развитых в теориях *К Поннера, Ю Хабермаса, В Хесле, Э Гидденса, П Катценштайна, С Холла*, показывают социальную насыщенность этого феномена По их мнению, рассуждать об идентичности вне контекста социальной детерминации теоретически бессмысленно Познание идентичности составляет область социального познания, поскольку именно оно раскрывает универсальные представления о процессе её формирования в её внутренней инвариантности

Доказывается, что этнические, культурные, политические, гражданские и др идентичности есть, по сути, части целого, являются разными ипостасями единой идентичности человека, социально-обусловленной или социальной Поэтому идентичность может быть выражена понятием как разные уровни соотносённости индивида с сообществом

Идентичность относится как к сознанию индивидуального социального образа «Я», так и для группового образа «Мы», подчёркивают, прежде всего, социальное измерение феномена Любая идентичность у человека или группы формируется в процессе их взаимообусловленных отношений с исторически сложившимися в данном обществе социальными институтами, с господствующей идеологией, с людьми, социальными группами, территориальными смыслами и образами, с которыми он вступает в разнообразные контакты – от социально-экономических до личностно-психологических, и от политических до семейно-бытовых В этом сущность социальной приобретаемости идентичности Человек или группа – только элемент воспроизводства общественной деятельности, поэтому идентичность носит, прежде всего, социальный характер

Иногда под социальной идентичностью понимается лишь осознанная включённость человека в некоторые общности первичные социальные группы, профессиональное, бытовое, дружеское и т п окружение, а также включённость

и отождествление себя с социальными стратами, классами и т.д. Подобный подход фиксирует микросоциальный уровень жизнедеятельности человека вообще, рассматривая человека в некотором ограниченном наборе его социальных ролей и статусов. Такое понятие социальной идентичности выросло из «школьного» разделения общества на ряд подсистем, где социальная подсистема реализуется через некоторый набор микросоциальных контактов.

В данной работе под социальной идентичностью понимается собственно *социетальная идентичность* – фиксированное интегрированное представление о себе в качестве собирательного образа своей этнической, культурной, политической и других видов идентичности. В науке идёт речь об «узкой» и «широкой» включённости индивида в социум, иначе говоря, о макросоциальном и микросоциальном соотношении. Субъект закономерно начинает свое соотношение малых и раздробленных структур микросоциальной среды, постепенно доходя до социальных характеристик, когда происходит проецирование и формирование «самости» уже в более «широком» контексте, где доминирующими понятиями, с помощью которых субъект описывает свою включённость являются культурные, этнопсихологические, политические. По сути, весь объем собственных классификаций, которые и составляют спектр социальности субъекта, выглядит следующим образом: гендерное соотношение, языковое, национально-этническое, семейное, религиозное, профессиональное, коллективистско-групповое, гражданско-государственное, политическое, экономическое, (имущественнически-собственническое), культурное. Перед людьми имеется богатый безграничный выбор источников для самоидентификации. Но все они, так или иначе, соотносятся с общей социальной моделью мира субъекта. Каждый из них образует частную идентичность, которая является частью социальной идентичности субъекта. Таким образом *под социальной идентичностью мы будем понимать фиксированную в конкретный момент времени принадлежность индивида или группы к некоторой социальной (социально-территориальной) общности, выраженную в репрезентативной форме своей соотносённости с внешней средой*.

Доказывается, что территория является одним из значимых, отображающих модель воспроизводства идентичности как коллективной, так и личностной, факторов. Территория проживания человека выступает его жизненной средой, без учета особенностей которой не могут быть построены модели восприятия действительности и понимание себя в мире и которая оказывает влияние на выбор поведенческих установок индивида, его культуры, цивилизационной принадлежности. этничности и даже таких форм как политическая и экономическая культура. Соответственно, одним из видов социальной идентичности является социально-территориальная региональная идентичность. В подходе Н.А. Шмагко и Ю.Л. Качанова, используется фактор территориальности. Благодаря идентификации с территориальной общностью обстоятельства ее социальной жизни приобретают для индивида значимый личностный смысл, когда индивид присваивает себе значимые социальные смыслы реализуемые и воспроизводимые только на данной территории. Территориальные общности к которым индивид чувствует причастность, имеют разный «масштаб» (границы), и речь может идти об идентификации с

конкретным местом (городом, поселением, регионом, страной (ныне существующей, как Россия, или существовавшей, как СССР) или даже целыми группами государств, по тому или иному признаку (Евросоюз, страны Восточной Европы, Страны Балтии, СНГ)

Социальная идентичность конструирует социальный мир в групповые структуры и определяет самого индивида как члена одних социальных образований (от коллективов до социумов), выделяя его из подмножества других. Один из важных процессов социальной идентификации состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически относительно менее важными, чем общие групповые свойства, в том числе и региональные.

Во втором параграфе **«Социальная идентификация населения современной России в условиях фрагментации социума»** доказывается, что существующая социальная организация общества вошла в период стагнации и последующего распада, усиленного тенденциями полураспада российской государственности. Объективная реконструкция и трансформация российской социальной действительности выражается в изменении самого субъекта такого общества, в смене его личностных, профессиональных, гражданских, политических и культурных ориентиров.

Вместе с тем советские формы идентичности, как устойчивые в понимании господства общего над частным, например, коллективного над личностным, общегосударственного над региональным, центрального над республиканским, рационально-рефлексивного над эмоцианально-аффективным, теперь превратились в другие представления, где принадлежность к региональным социумам вдруг стала владеть над осознанием себя гражданином большой России. Личная социальная история стала главным фактором субъективной идентификации, а рациональная соотнесенность с внешним миром уступила место безмотивационно аффективным, нередко виртуальным и инфантильным пониманием происходящего, на основе домыслов, невозможности реальной репрезентации и всякого рода механизмов медийного «промывания мозгов».

Доказывается, что главным синдромом кризиса идентичности стала тотальная дефрагментация. Дефрагментация идентичности означает утрату устойчивых, сформированных в результате многолетнего социального опыта представлений субъекта о своей принадлежности к тем или иным объектам действительности и последующее закрепление на месте утраченного состояния невосполненности или амбивалентности. Фундаментальная причина, породившая дефрагментацию социальной идентичности, как на личностном, групповом так и территориальном уровне, заключается в общей деструктуризации пространства Советского государства. Утрата Советским Союзом самого себя, есть утрата архитектоники структурирующей общую модель представлений субъекта о собственной принадлежности. Произошла дезавуация центробразующего слоя идентичности, когда внезапно индивиды, целые группы и территории лишились собственной привычной принадлежности. Всплеск регионального самоутверждения на постсоветском пространстве под влиянием децентрализации обнаружили тотальную структурную декомпозицию вылившуюся в поиск новых

осей идентификации, на уровне формирования моделей регионального коллективного сознания и представления о своей принадлежности Сдвиг осевых центров Европы на Восток, формирования пояса новой Восточной Европы, расширение Европейского Союза и военно-политического блока НАТО, преодолевшим границы бывшего СССР, повлекли собой поиск новых координат для тех социумов, которые оказались в приграничном положении с этими явлениями

Отмечается, что навязчивый общественно значимый страх (фобия) утраты социальной, национальной, личностной идентичности — характерный показатель нынешнего общественного сознания (В какой-то мере, он присутствует в любой ситуации общественного перелома, когда происходит изменение самих критериев такой идентичности)

Итак «человек постсоветский», переживший крушение СССР и последующую фрагментацию социума. оказался в мире социальных историй, протекающих в локальных, замкнутых социальных пространствах Развитие его идентичности и фиксируется в основном посредством включенности и соотнесенности с миром коротких пространственно- временных форм Их наложение, нестыковки, слабое рефлексирование, рассогласование рождает разорванность и противоречивость представления о соотнесенности в ответе на вопрос «Кто есть я, в современном социуме?»

В третьем параграфе **«Основные факторы формирования региональной идентичности на постсоветском пространстве»** отмечается, что региональный аспект социальных процессов в современной России в последние годы стал одним из самых изучаемых вследствие процессов глобализации и модернизации в которые страна была вовлечена с начала 1990-х годов Внешнее влияние мировых тенденций и внутренние системные трансформации страны обусловили изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе актуализировали проблему различий между регионами и вытекающую из нее проблему неоднородности страны

Феномен формирования региональной самости - это постсоветская традиция, когда собственно социальная идентичность стала толковаться посредством этнополитизации и особой субкультуры регионов как бывшего СССР, так и современной Российской Федерации, что свидетельствовало о девальвации ценности такого соотнесения, при котором, человек выстраивая собственную социальную историю, мог бы ощущать свою принадлежность к централизованной гражданско-государственной целостности Кроме того, различие в развитии регионов не может не приводить к возникновению целых комплексов ощущений своих внутренних отличий, как некой новой идентичности

Культурные границы между различными русскими ареалами сильно размыты и в России практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций - сформировавшихся много веков назад, компактных, с определенными границами, центрами, символами и ярко выраженным самосознанием

Региональная идентичность, есть часть общей идентичности личности Более того, на наш взгляд кажется справедливым утверждение, что в большинстве

своём именно идентичность человека носит региональный характер, поскольку его личная социальная история слишком сильно привязана к ограниченной территории

В России сложились несколько основных факторов для формирования регионализма национально-этнический, историко-культурный, географический и геополитический, фактор социально-экономического различия между регионами, фактор «малой родины», «фактор внешнего восприятия», который особенно влияет на становления идентичности приграничных социумов. Значимыми «персонажами» окружения, становятся те субъекты, которые имеют наибольшую частоту отношений с этой конкретной территорией, особенно если эти территории имеют серьезные экономические, культурные и исторические связи. В некоторых случаях достаточно даже одного вида связи, формирующего особое представление «*Иного*» близкого к нам «*О нас*», как о территориальной целостности. Этот феномен очень заметен именно в Калининградской области, где ее восприятие со стороны Европы как исторически и географически европейского сформировала в региональном социуме принцип европейского самосознания, превышающий среднероссийский показатель.

В этом смысле сущность идентичности не в самом постоянстве ее значений, сформированными только самим субъектом, речь не столько о том, «кто мы» и «откуда», сколько о том, чем мы можем стать, как нас представляют другие и как это соотносится с тем, как мы сами себя представляем. Сущность идентичности - в процессе коммуникации с другими. Сам по себе любой субъект не есть - «идентичность», не есть «тождество». Можно сказать, что субъект вовлечен в незавершаемый процесс выстраивания некоторой идентичности (не имея при этом уверенности не только в его успешности, но даже в его возможности). Трансформируя ситуацию, субъект модифицирует и спектр доступных идентичностей, делая возможными новые и изменяя или даже отменяя старые. Отмена старых идентичностей на постсоветском пространстве, слишком завязана на некоторых внешних факторах восприятия. Многие республики бывшего СССР быстро воспользовались открытым для них Западом и сумели ни на базе благоприятной восприимчивости их как части единого европейского пространства, достаточно быстро трансформировали свою советскую идентичность и даже в евроатлантическую (Литва, Латвия, Эстония). Подобные тенденции наблюдаются в Молдавии (срабатывает румынский фактор) и в Западной Украине (польский фактор) - восприятие как «своих», принадлежащих к одной интруппе точки зрения территорий. В Калининградской области наряду с эксклавным фактором срабатывает и фактор балтийско-германского внешнего восприятия. Литва, Польша и Германия до сих пор продолжают дискуссии принадлежности этой территории, считают ее проблемной окраиной ЕС точки зрения статуса, размещают здесь свои инвестиции, для которых в общей совокупности составляет 2/3, вырабатывают специфическое соседское отношение к жителям Калининградской области, отделяя их от жителей остальной части России.

Таким образом, суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что интенсивное развитие современного регионального самосознания следует считать процессом, связанным в большей степени с постсоветской историей. Общий

процесс федерализации, по принципу максимальной суверенизации федеральных территорий, процесс построения регионов по принципу «государство в государстве», суверенизация национальных автономий, стимулировавший аналогичный процесс в русских регионах, усиление влияния и повышением самостоятельности региональных элит, процессы национального возрождения в провинции, рост социально-экономических противоречий между центром и периферией стали определяющими факторами становления и развития уникальных идентичностей населения

Глава вторая «**Специфическая идентичность социума российского эксклава**» посвящена выявлению и анализу особенностей становления и развития идентичности населения российского эксклава, в условиях окружения региона Европейским Союзом и Северо-Атлантическим альянсом

В первом параграфе «**Эксклавность как основной фактор формирования и воспроизводства идентичности регионального социума**» доказывается, что Калининградская область — регион, совмещающий в себе большинство уникальных по сравнению с другими российскими регионами факторов развития, оказывающих влияние на образование особой социальной идентичности, с ее преломлением в гражданском, культурном и политическом компоненте Фактор эксклавности является определяющим самосознание население региона

Эксклавность Калининградской области была задана распадом советской империи, фактор анклавности региона скорее наоборот результат интеграции в европейское сообщество и НАТО бывших советских республик и стран, входящих в «советский лагерь» и ОВД После восстановления независимости Прибалтики Калининградская область фактически унаследовала давнюю Восточно-прусскую проблему Германии или межвоенную проблему существования изолированного Польшей Кенигсберга и прилегающей к нему территории

Калининградской области свойственны основные проблемы всех эксклавов связанные с уровнем коммуникации между метрополией и эксклавом, характеризующим доступность связей между центром и периферией, которой выступает эксклав, уровнем коммуникации с сопредельными территориями эксклава, политическим статусом, реализуемым через особое управление, экономическим положением, особенностями регионального самоопределения по сравнению с «материнской страной», которая воспринимается региональным сообществом как «*материковая Россия*» Геополитически Калининградская область лежит несколько западнее, чем проходят восточные границы постсоветской Восточной Европы и границы Европейского Союза

Смещение центра Европейского Союза и расширение его на Восток с включением в собственный состав бывшей советской Прибалтики в геополитическом плане несколько отбросили российский эксклав на Запад, поскольку не включенная в состав ЕС Литва в большей мере до 2004 года и в Калининградской области и в России в целом воспринималась достаточно стереотипно как бывшая советская республика и в меньшей степени как европейское государство Вступление же Литвы в Евросоюз стало окончательным выстраиванием политической архитектуры, в соответствии с которой российский регион получил статус эксклава уже внутри целого геополитического

образования, в соответствии с требованиями и правилами которого должен существовать Калининградский регион. Россия в эксклаве воспринимается, как «зарубежная» материнская территория, особенно это касается проблемы перемещения жителей.

Отмечено, что специфика статуса и тип формирования населения региона предопределяют особенности идентичности. Особенность Кёнигсберга / Калининграда заключается в том, что он пять раз за XX век обладал особым статусом. Весьма своеобразное место Калининградская область занимает в ряду российских регионов и по типу сформированности. Это регион населения которого всецело формировалось организованным переселением из других частей Советского Союза, в массе из большого всего пострадавших в ходе военных действий 1941-1945 годов краёв и областей РСФСР и Беларуси. Социально-политические процессы в нашем обществе конца 80-х начала 90-х гг. прошлого века качественно поменяли состав населения региона. Произошла массовая миграция населения из республик бывшего СССР. Прежде всего, из Казахстана и средней Азии, а также республик Кавказа. Тенденции миграции, учитывая уже работающую с 2007г. программу репатриации граждан бывшего СССР в калининградский регион, предполагают до 2012 года увеличение численности населения региона ещё на 250-300 тыс. жителей.

Отмечено, что калининградский социум сегодня – это достаточно молодой, становящийся социум, не определившийся в своих перспективах и желаниях, а как бы существующей в сложившемся и даже удобном пространстве конкуренции образов, историй, смыслов и интерпретаций событий, кроме того представляющий собой внутри- и внешнеконфликтный социум.

Показывается, что социум конфликтного региона сам по себе находится в состоянии «*спорящего социума*», когда версии идентичности «*сейчас*» и проецируемой в будущее идентичности «*завтра*» зависят от конкурентоспособности идентификаций субъектов этого социума, личностных ожиданий субъектов от собственной социальной востребованности в условиях эксклавноности, ориентаций на социальную и политическую реальность в окружающих территориях, экономических ожиданий от «материнской страны» и особых экономических условий существования региона, степени развитости пограничной мобильности членов регионального социума в зависимости от их статуса внутри социума, конкуренции культурных пластов региона и их актуализации в зависимости от той или иной ситуации.

Во втором параграфе «**Особенности методологии исследования идентичности населения эксклава**» утверждается, что обретя обширный междисциплинарный характер от социальной философии до истории и психологии, проблема идентичности калининградского социума так и не получила концептуальной методологической установки, необходимого методологического базиса, который бы мог лечь в основу дальнейших исследований. Скорее можно утверждать, что исследования ведутся на *первичной исследовательской площадке*. Можно совершенно справедливо утверждать, что некоторые исследования идентичности, как в регионе, так и в России занимаютя собственно не измерением идентичности, как таковой и процессами самоидентификации, а лишь фиксируют достаточно разбросанные представления

субъектов о себе в некоторых изначально формализованных образных схемах. Таким образом, мы получаем некоторую вымышленную идентичность, когда данные одного исследования существенно противоречат другому и вместе не имеют ничего общего с третьими исследованиями. *Сформированного метода исследования социальной идентичности примененного непосредственно к особенностям эксклавного социума до сих пор не существует.* Изначально методологическим упущением является тот факт, что при социологических замерах идентичности жителей Калининградской области, измеряется некая географическая локальность, некоторая территориальная привязка к местности, а не совокупность именно тез условий современности, с помощью которых формируется динамика развития эксклавного социума в целом и индивида как единицы, в рамках этого социума.

Раскрывается проблема откуда преимущественно калининградцы черпают представления о себе как о «других», какие источники идентичности для жителей калининградской области являются более актуальными и чем предопределяется эта актуальность? *Отчетливое понимание приоритетных источников идентичности субъектов, без их политизации* которая проходит через большинство исследований занимающихся изучением идентичности – является одним из отправных моментов изучения эксклавного социума.

Кроме того, при построении исследования мы должны в качестве методологических замечаний отвергнуть следующие возможные и уже утвердившиеся принципы других исследований, которые как минимум не приемлемы для социологического анализа, и как максимум могут быть отвергнуты как принципы в других областях знания: *социальный реализм или объективация категорий выражающих условные группы* (когда маркеры идентичности выступают как реально существующие социальные образования), *монизм источников идентичности* (выведение идентичности субъекта из какого-либо одного источника, например *культурного*), *редукционизм источников идентичности* (сведение всех источников идентичности, к какому либо одному, *аксиоматизация*, (выведение идентичности исследуемого объекта исходя из изначально утверждаемых авторских предпосылок), *ментальная концептуализация* (утверждение в качестве объективного уровня социальной идентичности некоего ментального слоя как основополагающего), *панрегионализм* (стремление исходить из предпосылки изначальной «самости» региона, когда собственно его идентичность становится изначальной по отношению к самим субъектам этого социума), *эмпирический минимализм* (конструирование идентичности исходя из минимума эмпирии).

Главным методологическим упущением является смешивание собственно личностных территориальных или региональных идентичностей жителей региона с тем, что мы называем идентичностью эксклавного социума, или идентичностью эксклава.

Таким образом, разработка методологических оснований и затем уже целостных моделей изучения уникальных социумов, поиск максимально точного измерителя идентичности, является одной из главных задач стоящим перед исследователями идентификационных процессов протекающих в регионах.

В третьем параграфе **«Европейцы», «калининградцы» и «россияне» как маркеры идентичности жителей региона** выявлены наиболее распространённые модели самоидентификации субъектов калининградского регионального социума, отражающих основные слои населения, особое место отведено пониманию факторов и источников идентичности субъектов, степени их смысловой нагруженности и актуальности. Понимание этих аспектов, позволяет выявлять узловые точки социальных разломов в эксклаве, ориентиры социальных групп в настоящем социальном, политическом, экономическом и культурном пространствах, а также в ближайшем и среднесрочном будущем.

При помощи сконструированной матричной схемы идентичности, отражающие основные источники идентичности человека (экономические, политические, культурные, социальные, аскриптивные) построены наглядные модели идентичностей так называемых *«калининградцев», «европейцев», и «россиян»*. Эти модели не отражают всю картину, однако наиболее оптимально характеризуют большинство тех, кто выбирает одну из этих категорий как свою (мою). На основании специального анкетного опроса были выявлены основные категории жителей области, условно обозначенные как *«экономический позитивист», «экономический пессимист», «экономический эгоист», «маргинал» «мигрант», «иентрист»*. Затем были построены обобщённые образы жителей эксклава в схемах *«европеец», «калининградец» и «россиянин»,* отражающие основные тенденции и предпочтения субъектов идентифицирующих себя с этими категориями, что позволяет в дальнейшем прогнозировать, что движет этими категориями жителей в выборе тех или иных предпочтений политического, культурного, экономического характера.

В третьей главе **«Тенденции развития идентичности эксклавного регионального социума»** выявляются возможные варианты и риски развития культурной, политической и экономической идентичности эксклавного социума на основании особенности геополитического и геокультурного положения региона.

В первом параграфе **«Особенности политического самосознания населения калининградской области»** доказывается, что политический статус региона является основной линии раскола идентичности жителей янтарного края. Именно постоянное рефлексирование данной проблемы является значимым фактором самого деления на тех, кто мыслит себя в структурах Европы или ЕС причисляя себя к *«европейцам»,* тех, кто нацелен на увеличение сотрудничества с ЕС на разных условиях – *«калининградцы»,* и тех представителей калининградского сообщества, которые мыслят себя только преимущественно в структурах России – как *«россияне»*. Выделено шесть основных вариантов подобного статуса *«независимое государство, протекторат другой страны, территория, находящаяся в совместном управлении РФ и ЕС, республика в составе России, область с правами Особой Экономической Зоны в составе России, непривлеклированная область в составе РФ»*. Динамика мнений, начиная с 2001 года, показывает, что вектор предпочтений всё больше смещается в сторону евроориентиров, особенно в младших возрастных группах (17-27) лет. Самым популярным ответом остаются *«заграничная территория России»* по представлению населения эксклава - некоторая особая экономическая зона интегрированная в Зону ЕВРО и Шенгенских соглашений, возможно находящаяся

в некоей ассоциации с ЕС, но находящаяся под юрисдикцией России - 46%, сохранить прежней статус желают в среднем 22% причем этот показатель характерен для большинства исследований, жителями независимого государства видят себя только около 10%, самым непопулярным ответом остается включение региона под протекцию третьего государства (Германии) – 3%

Отмечены предельные современные и возможные ближнесрочные критерии регионального сепаратизма, влияние на его развитие внешних европейских, федеральных российских и собственно региональных факторов. Связь готовности поддержать идею отделения области от России с возрастом респондентов может означать, что сепаратистские настроения могут существенно увеличиться с течением времени. Настораживает качественный состав "сепаратистов". В нем несколько повышена доля состоятельных граждан, представителей руководящего слоя и молодежи, т.е. тех социально-демографических групп, которые в большей мере определяют будущее области.

Существует низкая частота посещаемости молодым поколением материковой России и утрачивание прямых родственных связей в связи со сменой поколений. В области уже существует *«поколение детей»* никогда не бывших в материковой России и формируется подобное *«поколение отцов»*.

Значим и внешний Германо-Польско-Литовский фактор, связанный с вопросом будущего региона. При сейме Литвы действует общественная организация «Совет по делам Малой Литвы», под которой понимается Калининградская область, считающие своим главным направлением – историческое обоснование незаконности владения РФ Калининградом. Особую активность в движении за возвращение прусских земель проявляют немецкие землячества, объединенные в организацию Союз изгнанных и лишенных родины, которая имеет определенное влияние в Бундестаге ФРГ и в руководстве ведущих германских партий. Внешнее восприятие региона исходит не из современных российских, а исторических коннотаций, когда в качестве названия региона всё чаще в Европе (в прессе и документах) фигурирует не Калининградская область, а такие названия, как *Еврорегион Пруссия, Карлячусский край, Малая Литва, Замландия, Прусланд и др.*

Доказано, на основании сравнительного анализа данных ведущих социологических центров России, региональных социологических исследований и исследования проведенного в ходе написания диссертационной работы, что взгляд на политический статус региона со стороны эксклава существенно расходится с тем, как это будущее видится в материковой России, причём этот раскол существует как на уровне простых граждан, так и на уровне элит.

Приводятся вероятные тенденции развития политической идентичности эксклавного социума в условиях окружения. Евросоюзом сконструированы и обоснованы возможные модели развития Калининградской области, с помощью необходимого для этого необходимо описания некоторых возможных сценариев развития Евросоюза и России, от которых непосредственно зависит будущее региона. *Модели развития Европейского Союза.* Модель 1 «Глобальный ЕС», Модель 2 «Билинейный ЕС», Модель 3 «Сегментарный ЕС», Модель 4 «Закрытый ЕС». *Модели развития Российской Федерации.* Модель 1 «Холодный континент», Модель 2 «Вялотекущее сотрудничество», Модель 3

«Путь в Европу» Модель 4 «Новая империя» *Модели развития Калининградской области* Модель 1 «Военный форпост», Модель 2 «Статус кво», Модель 3 «Разрыв с Федерацией», Модель 4 «Зарубежная территория России»

Изначально Калининградская область представлена как одна из ключевых переменных российской внутренней и внешней политики и отношений России и Евросоюза. На этот регион, как ни на какой другой, завязан целый узел проблем, решение которых требует стратегического планирования. В Калининграде в большей мере решается будущее отношений России и объединенной Европы.

Зафиксировано и доказано, что в условиях накопления эксклавной компетенции, посредством сотрудничества с Европой и процессами её трансформации, идентичность социума стала развиваться в подвижных вариантах. Отсутствие единого самодовлеющего пространства являющимся «стержнем сопричастности» приводит к тому, что регион вынужденно становится частью конструкции тех идентификационных систем, центры, формирования которых не являются российскими и находятся за пределами РФ.

Россия, с одной стороны, не формирует Калининградскую область именно как генератор российского полюса идентичности, позиционируя его не как один из центров идентичности, а как периферию. Европа же рассматривает регион как «проблемную окраину с ЕС». Установлено, что такое положение вещей продуцирует распытывание идентичности субъектов социума, заставляя их выбирать между прагматическими и патриотическими общегражданскими настроениями, вкладывая в представление о себе, регионе его будущем принципы полезности и утилитаризма. Благодаря смене поколений в регионе, высокой частоте социальной коммуникации с приграничными государствами и остальными государствами ЕС и низкой частоте коммуникативных контактов - с «большой Россией» идентичность региона и самоидентификация жителей в целом будет идти по нарастающей по линии *европоцентризма*. Сохранение же «статуса кво» в отношении с областью, может привести к ухудшению экономической и социальной ситуации в регионе и привести к необратимым последствиям для Российской Федерации. Поэтому коррекция идентичности региона в сторону России, зависит от максимума мероприятий, связанных с формированием на территории региона экономического и социального климата равного тому, который существует в государствах ЕС, во избежание формирования внутри ЕС и в отрыве от России «черной дыры» в Европе.

Отмечено, что Калининградская область до сих пор находится во внешнеинтеграционном пространстве относительно ЕС, поскольку у Евросоюза и России нет никаких специальных соглашений по Калининградской области, в рамках предоставления ему специальных условий развития, исходящих от уникального геополитического положения региона, его удалённости от основной части России и одновременной близости окружённости европейскими и евроатлантическими структурами. В связи с этим Калининградская область существует, в сущности, как и другие регионы России, находясь в «непривилегированном статусе». Отсутствие статусных привилегий воспринимается в региональном социуме как ограничение его жизненных способностей к развитию, что закономерно усиливает регионализм.

Актуальность разработки стратегий развития региона, прогноз сценариев развития должны определяться особым вниманием федеральных органов власти к проблемам социально-экономического развития Калининградской области в связи с важностью ее политического и экономического значения для Российской Федерации в рамках Новой Восточной Европы. Калининградская область играет особую роль в обеспечении национальных интересов России в регионе Балтийского моря и в Восточной Европе, в обеспечении обороноспособности РФ, в развитии российско-европейского сотрудничества в области безопасности. Во втором параграфе **«Социокультурные особенности региональной идентичности»** доказывалось, что Калининградский регион – сложный пространственный конструкт, рассматриваемый как пространство символических схем, вне контекста преобладания какой-либо одной схемы. Калининградский регион может быть представлен как подвижный гипертекст. Под *гипертекстом*, в данном случае, мы понимаем многоуровневое вариативное изложение (изложение в пространстве) символических схем, вступающих в собой в противоречивые отношения. Эти схемы могут носить различный характер, репрезентуя все основные сферы жизнедеятельности любого социума: историко-культурную, экономическую, политическую, социальную.

Отношения гипертекстуального характера сводятся к трёхуровневой системе противоречий:

- *Конфликт между эксклавными и внешними факторами развития и представлениями.* Чаще всего, представления и факторы развития читаемые внутри эксклава не совместимы с внешними представлениями материнских и других сопредельных внешних структур, в отношении эксклава.
- *Конфликт между внутриэксклавными пространствами.* В случае с Калининградской областью – это внутренне наслоение культурных и исторических пластов, конкуренция между хозяйствующими субъектами, даже не экономического, а скорее цивилизационного характера – Россия и Европа, разорванность статусно-политических представлений и возможностей для их материализации. Пространственная топонимика Калининградской области сама по себе есть сложный *гипертекст* – поскольку историческое, политическое, географическое и культурное пространство региона между собой не совпадают.
- *Конфликт между конкурирующими внеэксклавными представлениями и моделями развития по поводу эксклава.* Фактически понимается несоответствие внешних представлений по поводу эксклава и созданию условий для его развития между конкурирующими структурами для которых эксклав является зоной тактических и стратегических интересов.

Противоречия социокультурного пространства вынуждают к формированию схем, кодифицированных таким образом, что символы, ранее казавшиеся плохо совместимыми в сознании субъекта, теперь же отвечают идентификации самого субъекта. Многообразное пространство становится нормой, выступая основой надёжных ожиданий в будущем. Символы осуществляют между собой постоянную коммуникацию. Гипертекст задается тем, что

- в историческом и в культурно-символическом плане регион представляет собой, наслоение нескольких исторически слоев и культурных пластов,

находящихся по отношению друг к другу в актуальном значении, то есть, включены в функционирование жизнедеятельности современного исторического и культурного пространства региона,

- в экономическом плане область одновременно находится в зоне действия нескольких сильных хозяйствующих субъектов - России и ЕС, а также хозяйствующих субъектов сопредельного уровня (Прибалтийский еврорегион – Литва и Польша) конкурирующих между собой,
- в политическом плане эксклав/анклав представляет собой внешне ориентированную территорию на структуры России и одновременно структуры ЕС,
- в цивилизационном плане регион есть сочетание восточной, западной европейских и российской цивилизации

Гипертекстуальность наглядно представлена в современной геральдической культуре районов и городов Калининградской области в их сравнении с прусскими довоенными гербами. Вместе с тем, только некоторые гербы представляют собой некоторый символический промискуитет, в большинстве они идентичны символическому пространству Восточной Пруссии. Нынешний символический код эксклава, не выстроен по принципу *«Russifizierung»* - связанным с отрицанием Восточно-прусской истории, а скорее по принципу *«Aufstockung»* - надстраивания над первичным контекстом нового семантического уровня.

Доказывается, что на уровне индивидуального сознания система противоречий чётко фиксируется в совокупности достаточно не типичных для других российских территорий суждений о себе. Подобное наложение пространств в эксклаве позволяет и жителю понимать себя, и регион сразу в трех ракурсах: русском, европейском (причём европейская идентичность актуализируется как априорно содержащаяся) и региональном, (калининградском), так что его идентификация будет уникальна для россиянина из материковой России. Здесь сказывается слабость укорененности региона в российское культурное и историческое пространство. В связи с этим идентификационный комплекс суждений калининградца парадоксален: «Я - патриот России», «Я - сторонник неделимой России», «Я - за демократию европейского образца», «Я сторонник более плотного взаимодействия Президента и Правительства России с руководством ЕС, по поводу интеграции Калининграда в ЕС, Шенген, зону ЕВРО».

Такие идентификации жителя региона, изначально могут казаться полярными, однако они сообразны феномену *«сетевого консорциума пространств»* в рамках одного региона, не подчеркивая доминирование того или иного пространства, а только их коммуникацию и конкуренцию в настоящем и в проектируемом. Итак, Калининградская область может быть представлена как открытый вариативный социокультурный проект, содержащий в себе многообразие форм собственной реализации.

В третьем параграфе **«Экономический фактор идентичности регионального социума в системе координат «материковая Россия» - «Прибалтика» - «Евросоюз»**, калининградский региональный социум подробно рассмотрен с точки зрения экономических предпочтений его жителей процедуре

самоидентификации и выборе ими жизненных стратегий. Последние формируются на стыке экономических, политических и культурных предпочтений, становятся своего рода концентрированным выражением стремлений к некоторым социальным стандартам жизни. В свою очередь Калининградская область достаточно показательный в этом плане регион, в котором стандарты жизни, в восприятии себя членом территориального сообщества, ориентированы на социальные и экономические принципы существования Евросоюза.

Распространение экономического источника для идентификации в сознании жителей региона, связано, прежде всего, с постоянной ориентацией на повышение своего уровня жизни и доведения его до стандартов того европейского региона, в котором существует эксклав, в связи с этим стратегии идентичности направлены на построение своего субъективного благополучия по стандартам жизни ЕС. Принцип экономического самосознания особо заметен в условиях открытого соседства разнообеспеченных обществ, когда низко обеспеченные общества ориентируются на образ и стиль социально-экономической жизни более развитых обществ, с которыми они граничат. Социумы Литвы и Польши, как успешно развивающиеся модели европейских сообществ, на которые ориентируются жители калининградского регионального социума, являются сегодня основными идентификаторами качества жизни для калининградцев.

По анализу показателей эксклав по отношению как к ближнему соседству (страны Балтии и Польша), так и по отношению к более крупным геополитическим структурам и сегментам Европы (ЕС в целом и прибалтийскому еврорегиону) является малообеспеченным и инфраструктурно не развитым субъектом. На субъективном уровне, касающемся позиционирования субъектов калининградского регионального социума, при выстраивании своих жизненных стратегий жители региона все меньше стремятся к идентификации себя как «россиянин» поскольку видят за этой категорией негативный экономический образ, с распространяющимся на него историческим фактором 90-х годов, сформировавшим негативные пережитки экономического кризиса в России. С точки зрения выстраивания своего личного субъективного благополучия российская идентичность в калининградском сообществе достаточно уязвима и дискредитирована, в связи с этим субъекты используя компенсаторные тенденции, восполняя свою экономическую недостаточность и неопределенность формируют некоторый набор *противопоставительных идентичностей* к российской идентичности, связывая свое будущее с Европой.

В **«Заключении»** подводятся основные итоги исследования, конкретизируются его наиболее значимые выводы.

Опубликованные работы, отражающие основные научные результаты диссертации

Публикации в ведущих рецензируемых журналах перечня ВАК РФ:

- 1 Берендеев М В Кто мы? Калининградцы в поисках идентичности [Текст] / М В Берендеев // Социологические исследования - 2007 - №4 – 0,3 п л
- 2 Берендеев М В Постсоветская региональная идентичность социума Калининградской области проблема формирования и измерения / М В Берендеев [Текст] // Вестник Московского государственного университета им М В Ломоносова Серия 18 Социология и политология -2007 - №3 – 0,6 п л
- 3 Берендеев М В Влияние экономических факторов на формирование самоидентификации жителей региона [Текст] / М В Берендеев // Вестник Российского государственного университета им И Канта Серия гуманитарные науки - 2007 – Вып 8 - 0,5 п л

Публикации в других научных изданиях:

- 1 Берендеев М В Социальная идентичность исследования самоопределения калининградского регионального социума [Текст] / М В Берендеев // Вестник Российского государственного университета им И Канта Серия гуманитарные науки 2006 - Вып 12 – 0,5 п л
- 2 Берендеев М В Социология калининградской идентичности влияние экономических факторов на формирование самоопределения жителей региона [Текст] / М В Берендеев // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук Межвузовский сборник научных трудов Выпуск 37 Калининград Балтийский институт экономики и финансов, 2007 – 0,5 п л
- 3 Берендеев М В Формирование социальной идентичности социума российского эксклава в контексте символического пространства православной культуры социологический аспект [Текст] / М В Берендеев // Православная культура на Урале контексты истории и современность материалы научной конференции с международным участием – Челябинск ЧГАКИ - 2006 – 0,3 п л

Подписано в печать 24 09 2007 г
Формат 60х84/16
Бумага для множительной техники Печать оперативная
Усл п л 1,18
Тираж 100 экз Заказ № 1577
Отпечатано с готового авторской о оригинал-макета
Центр полиграфии и тиражирования «СервисТираж»
г Москва ул Плещеева д 6,
тел 8 (495) 405-90-20